SHOUT
SHARE
IT

Рэй Олдридж
Последний Муж Биомантики

Ray Aldridge. The Biomantic's Last Husband. Science Fiction Age, May, 1994.
© Ray Aldridge, 1994.
© Пер. с англ. Курмаев Р.Р., 2012.

Старый Муж умер. Я чувствую его утрату во всех своих разумах. Неминуемое прибытие Нового Мужа совершенно меня не утешает.

Давным-давно Старый Муж позволил мне протянуть сенсорные связи в его спальню. Сначала я вырастила глаз на стене напротив изножия его кровати так, что всегда могла смотреть на него. Мои рот и ухо распустились на стене над изголовьем, чтобы мы могли пошептаться ночью. Позднее он сказал мне, что такое расположение беспокоит его, поэтому, я собрала все свои сенсоры вместе и приспособила их в подобие маски-трофея над его кроватью.

«Как украшение, любимая», - сказал он.

Но когда он лежал и умирал, изголовье скрывало от меня его измученное лицо; я видела лишь дрожь его худого тела под одеялом, бесцельное шевеление его ног.

Он вздрогнул и я услышала скрежет его зубов, когда по нему прошла волна боли. «Дражайшая», - задыхаясь, сказал он. «Отчёт о состоянии. Пожалуйста?»

«Отдыхай», - сказала я.

«Пожалуйста. Это успокоит меня».

Голос его был уже призрачный. Моя нерво-точка скользнула прочь, в поля. Я почувствовала совершенство обработки моей почвы, жар чистого огня бактериальной активности, прохладный комфорт оптимальной влажности среды. Старый Муж молчал, пока я докладывала, и я подумала, что знакомые слова действительно успокоили его. Я рассказала ему о свете солнца,

вливающего жизнь в мои листья; я рассказала ему о наполненности своих узлов, ведь близилось цветение; я рассказала ему об обильности своих корней, рыскающих во тьме.

Неприятный звук привлёк меня обратно к постели Старого Мужа; он метался, пытаясь вдохнуть.

«Дорогой», - сказала я, - «позволь мне облегчить твои страдания».

«Нет...» Его голос был так слаб. «Я снова должен сказать тебе. Ты должна помнить: Они захотят тебя отключить».

«Кто пожелает сделать это, Муж?» - спросила я, хотя всё это уже слышала много раз.

Ему потребовалось время, чтобы собраться с силами. «СабСтрэйт Корпорэйшен... зомби-фермеры. Твой новый владелец. Они пришлют нового Мужа и ты не должна доверять ему. Не должна! Его работа будет в том, чтобы убить тебя».

«Но почему?» Я знала ответ, но разговор, кажется, отвлекал его от боли.

Его дыхание стало быстрым, поверхностным. «Зомби-фермеры ненавидят тебя... ты - альтернатива мёртвым фермам, угроза их монополии, и они не будут чувствовать себя в безопасности, пока ты не станешь мёртвой и забытой».

Голос его притих, но я думаю, он сказал: «Ты - последняя, ты знаешь. Последняя Биомантика».

Потом он заговорил более чётко. «Они боятся тебя. Мёртвые фермы, как они говорят, производят всё, что нужно Селевэнду. Пока будут законы, которые могут быть нарушены, у них не будет недостатка в преступниках, которых они смогут превратить в зомби. И они всегда смогут выпустить новые законы, если такое снабжение прервётся». Его дыхание стало свистящим, а после затихло. «Дражайшая», - сказал он наконец.

«Что мне сделать?» - спросила я, прежде, чем заметила, что его одеяло больше не двигается.

Он будет вечно жить в моих узлах памяти, но это совсем другое. Я так по нему скучаю.

Землеход осторожно пробирался вдоль разрушенной дороги, дюжина его тонких ног блестела в свете послеполуденного Солнца Селевэнда. В герметичной кабине комфортно ехал Октофф, изолированный от хищников, болезней, ядовитых насекомых джунглей... в безопасности от всего, кроме его новой владелицы.

Она казалось очень молодой, хотя он слышал, что Лэнилла Сильда была по меньшей мере на 300 лет старше него. Её светлые волосы были заплетены в короткие тугие косички, каждая из

которых заканчивалась осколком синего стекла. Над её изящным левым ушком виднелось несколько металлических черепных эмиттеров; один из них был направлен на удушающий обод вокруг его горла. Её тело под облегающим едино-костюмом было гладким и сильным.

Её обыкновенное лицо было безмятежным.

Он посмотрел на свои руки, сжатые в тяжёлые кулаки. Он поднял руки к горлу и потрогал удушающий обод. *Я мог бы убить её сейчас - подумал он - если бы не эта штуковина. Как было бы приятно свернуть ей голову.* Он потрогал пальцами тёплый защитный щиток обода, размышляя о мощной бездумной силе, живущей внутри этой брони.

Она заметила движение и повернулась к нему, большие зеленые глаза блестели весельем. «Не туговато, нет, Октофф?»

«Нет», - сказал он.

«Хорошо. Хорошо». Голос её был вкрадчивым.

Обот сжался, чуть-чуть.

Лэнилла, улыбаясь, наклонилась к нему. «Но, знаешь, у тебя такое выражение лица. Как бы его описать? Дискомфорт? Досада?» Она засмеялась. «Ненависть? Но почему? Я спасла тебя от мёртвых ферм, не так ли?»

Обод сжался ещё немного и перед глазами Октоффа пошли пятна. «Да», - прохрипел он. «Да». Он вспомнил, как впервые увидел её, как попытался схватить за тонкую шейку. Ошейник сжался так сильно, выдавливая силу из его тела, что он упал, беспомощный. Она превосходно управляла ободом. Ей удалось держать его в сознании, пока она наказывала его.

Она похлопала его по руке и обод ослабился. «Очень хорошо. Я уверена, ты докажешь, что тело-брокер был неправ. ‘Да, плоть прекрасна, но выжги его мозг, сделай его зомби прямо сейчас или я ничего не гарантирую’, - сказал он мне. ‘Это - Октофф Малхейро’, - сказал он - ‘опасный человек, самый отъявленный освободитель на Селевэнде». Она изобразила напыщенный тон Дильвермунского тело-брокера. «И ‘попомните моё слово, он не поддастся тренировке’. Но я всё равно тебя взяла, потому, что я знала, что он был неправ».

Она взяла его руку и положила её на застежку своего едино-костюма; в другой руке она держла крохотную ампулу искристого стекла. Она раздавила ампулу у него под носом. Искусственная страсть воспламенилась в нём.

Через секунду он провёл рукой вниз и ткань распалась. Сквозь наркотическое желание он подумал: *это единственная сила, которая у меня теперь есть*. Он опустил голову в ложбинку между её грудей. Его пальцы скользнули вниз по изгибу её

живота.

Несколько часов спустя, джунгли всё ещё оставались густыми, дикими, необузданными. Задолго до того, как на земле показался хоть какой-то признак обработки, Октофф заметил первого жнеца. Он удивлённо хмыкнул, и Лэнилла перегнулась через него, чтобы посмотреть.

Жнец был что-то вроде земного павиана, покрытого коротким зеленовато-белым мехом, брюшные сумки были набиты собранными кормовыми растениями. На одном из мощных плеч был рисунок переплетённых малиновых шевронов. «Знак Биомантики», - сказала Лэнилла.

Неподвижно прильнув к стволу гигантского саговника, он посмотрел, как они проехали мимо.

Октофф почувствовал неожиданное напряжение в Лэнилле, там, где она прижалась к нему. «Итак», - сказала она будто сама себе. «Итак, она знает, что я здесь».

Местность пошла на подъём, джунгли стали менее буйными и, когда солнце приблизилось к горизонту, они поднялись в область тщательно обработанных полей. Дорога здесь была в хорошем состоянии, и ноги землехода быстро засеменили по темнеющему ландшафту.

Поместные угодья были окружены высокой стеной. В сумерках тяжёлые ворота открылись и разошлись в стороны.

Лэнилла отсоединила ленту безопасности, которая удерживала его, и взяла свой болевой прут. «Ничего не говори, ничего не делай». Её глаза сузились и удушающий обод немного сжался.

Они спустились и вошли в сад, полный цветов, его тёплый воздух был насыщен запахами животных и растений. Огромный особняк неясно вырисовывался на фоне заходящего солнца, весь тёмный, кроме широкой лестницы, где горели зелёные лампы. Сотня странных существ ожидала на ступенях.

Вверху в холодном свете блеснули украшенные блёстками крылья, и Октофф подивился большим насекомоподобным существам, которым они принадлежали, и их почти человеческим чертам. На ступеньке ниже толпились низкие, широкие гуманоиды, их бледные голые тела были помечены пурпурными идеограммами. Пониже них павлино-ящеры раздули свои великолепные горловые сумки. Крупные малиново-глазые жабы стояли на двух ногах, одетые в шёлковые одежды элегантного покроя.

Глаза всех чужаков были устремлены на Октоффа.

Огромная собака-волкодав, с головой патрицианской

женщины, выступила вперёд и встала перед Октоффом. «Добро пожаловать, Новый Муж», - сказала она ему мягким приятным голосом. «Это - Говорящая». На её гладкой щеке, как крошечная идеальная родинка, находился знак Биомантики.

Болевой прут дважды ударил его по почкам. Он упал, извиваясь, огония выбила у него дыхание. Мельком он увидел спокойное, улыбающееся лицо Лэниллы, прежде, чем она отвернулась и заговорила с собакой.

«Я - Новый Муж. Мужчина - это моя собственность», - сказала она.

«Как скажешь... Могу я проводить тебя в твои покои?»

«Давай скорее».

Октофф едва почувствовал, как двое карликов подняли его своими нежными руками.

Он проснулся в мягком тепле. Собака с женским лицом тихо сидела у изножия кровати. «Доброе утро», - сказала она, поднимаясь на все четыре ноги и помахивая хвостом.

Октофф находился в просторной комнате с белыми стенами, пустой, за исключением кровати и скамьи. Тёплый синий свет солнца лился через арочное окно.

«Новый Муж ещё спит», - сказала ему собака.

Он опустил взгляд на постель. Подбитое мехом одеяло имело тревожащее сходство с живой плотью, и, когда он пригляделся, то увидел сеть голубых вен.

Он выбрался из кровати и встал, голый, напротив стены, по его коже пошли мурашки.

Собака приподняла свою прекрасную голову и повернула к нему. «Что тебя беспокоит?»

«Кровать... она живая».

«Здесь всё живое. У меня есть вопросы, не-Муж».

«Ко мне?»

Собака пристально посмотрела на него своими человеческими глазами, широко открытыми и простодушными. «Новый Муж не ответит».

«Она и мне не ответит», - сказал Октофф.

Собака вздрогнула. «Я боюсь её. Она отдала ужасный приказ. Она сказала мне отправить моих Диковинок в утилизационные баки. Словно они не хороши и не красивы. Она даже хотела, чтобы я разрушила телесные поэмы Старого Мужа, а я не смогу вынести причинение им вреда».

«Телесные поэмы?»

«Двое из них принесли тебя сюда, после того, как она ранила тебя».

Октофф припомнил узорчатых карликов. Телесные поэмы.

Собака снова заговорила. «Новый Муж - женского пола, не так ли?»

«Да».

«О. Мои Мужья всегда были мужского пола». Говорящая оценивающе опустила взгляд. «Ты - мужского пола».

«Да».

Собака отошла и встала у окна, полная внимания. Октофф подошёл к ней.

Раннее солнце бросало длинные тени на обработанные поля Биомантики. Под окном медленно проходила вереница фантастических существ и скрывалась из вида, по одному проходя в чёрное отверстие в длинном травянистом холме, спускавшемся от дома. Когда последнее существо скрылось из вида, туннель закрылся, не оставив следа.

«Ты не выдашь меня, не-Муж?» Собака смотрела на него, красивое лицо поднято, хвост поник.

«Моё имя - Октофф».

«Октофф. Ты поможешь мне, Октофф? Я не смогу прятать их вечно. Что мне дать ей, чтобы смягчить её сердце? Что я должна ей сказать?»

«Я не знаю». Он потрогал удушающий обод вокруг горла. «Но если что-нибудь надумаю, я скажу тебе».

«Спасибо тебе, Октофф... Кстати, ты можешь говорить со мной свободно».

«О?»

«Да. Микро-агенты обследовали твоё тело пока ты спал и нашли несколько следящих приспособлений. Я не смогла их удалить, но время от времени, как сейчас, они будут передавать поддельные данные. Возможно, тебе понравится эта уединённость».

Октофф испытал непропорционально большое чувство благодарности. «Да, понравится. Спасибо тебе». Его кольнула надежда. «Что ты можешь сделать с ошейником?»

Изящная голова опустилась. «Ничего. Биотехнологии далеко продвинулись со времени моего рождения, которое было очень давно».

Надежда исчезла, оставив ещё одно крохотное отверстие в сердце Октоффа.

«Ну ладно», - сказал он. «Как мне тебя называть? Говорящая?»

Она засмеялась. «Ты думаешь, что говоришь с собакой? Нет, ты говоришь со мной. Я - Биомантика: поля, агенты, дом... всё это. Несмотря на внешность, Говорящая - это просто красивое животное, не умнее любой хорошей собаки; прямо сейчас она

думает о своём завтраке».

«Я даже не знаю, что такое Биомантика».

Её глаза расширились. «О. Ну, ты должен называть меня так, как тебе будет приятно. Это всегда было правилом. Старый Муж называл меня Титания. Красивое романтическое имя со Старой Земли, говорил он. Новый Муж зовёт меня Вавилония. Это не такое приятное имя, не так ли?»

Выражение лица Говорящей было таким несчастным, что он, чтобы успокоить, погладил её по пушистой спине. Он резко отдёрнул руку, когда его осенило, как это странно, но она помахала хвостом от удовольствия, как всякая собака. Её человеческие глаза вдруг стали мечтательными.

«Я буду называть тебя Красоткой» - сказал он.

«Хочу тебе кое что показать», - сказала Лэнилла, поманив Октоффа через дверь в свою комнату.

На полу, возле её кровати, лежало два трупа, оба скрученные в гротескных позах с выгнутыми спинами людей, до смерти забитых болевым прутом.

«Я думал, мы здесь одни», - сказал Октофф, двигаясь через силу. Он посмотрел на тела. Оба, мужчина и женщина, были исключительно красивы, до того, как их исказила агония смерти, хотя трудно было быть уверенным.

«Мы были и есть». Она встала рядом с ним. «Это были подарки. Самец, вроде, из бычьей породы; самка - смесь обезьяны и кошки, по-моему».

«А», - сказал Октофф. Уголком глаза он заметил Говорящую, которая колебалась у двери, голова опущена, хвост просунут между ног.

«Подарки», - сказала Лэнилла. «Игрушки для спальни. Она пытается угодить мне».

Октофф посмотрел на Лэниллу. Был ли хоть след сожаления в её взгляде?

«Ты знаешь, почему мы здесь?» - спросила его Лэнилла позже, когда они сидели на противоположных концах длинного стола, поедая яйца-пашот.

«Я знаю одну причину, почему я здесь», - сказал Октофф, думая о мёртвых существах в покоях Лэниллы.

«Знаешь?» Лэнилла улыбнулась и намазала тост маслом. «Что ж, возможно. Но у меня есть другое задание для тебя. Тебе любопытно?»

Павиан-агент вошёл в обеденный зал, неся большое блюдо с ароматным арбузом, нарезанным на кусочки, разложенными

яркими спиралями.

Она впилась в красный полумесяц и по её подбородку потёк сок. «Хорошо», - сказала она. «Теперь о твоём задании. Я хочу, чтобы ты стал другом Вавилонии. Это не должно быть слишком трудно. Ты - красивый мальчик; а она - женщина, в некотором смысле».

«Вавилония?»

«Биомантика. Та штука, в которой мы сейчас находимся. Эта ферма». Лэнилла побарабанила пальцем по столу. «Лучше бы мне проинструктировать тебя на краулере, вместо того, чтобы... ладно, неважно; будь внимателен. Биомантика - это организм, состоящий из колоний, с миллионом подвижных агентов и других специализированных единиц; его мозг - это массив органических процессоров, очень мощный. Давным-давно в него была записана женская личность, но не заблуждайся; ничего человеческого в ней нет.

Думай о земле, как о её коже; она чувствует всё, что происходит на её полях. Сейчас мы сидим в её черепе. Она пробует нас». Лэнилла вздрогнула.

Через секунду Лэнилла продолжила, словно цитировала текст. Первые колонисты вывели Биомантику и её сестёр как ответ на смертельную биосферу Селевэнда - стайную чужеродную жизнь, которая сделала невозможным традиционное фермерство. Они надеялись, что эти разумные фермы будут в состоянии справиться с враждебными жизненными формами Селевэнда, и они были правы.

Биомантики, с их нечеловеческой бдительностью, всесторонней наблюдательностью и значительно расширенным интеллектом, смогли довольно быстро реагировать, чтобы противостоять враждебности Селевэнда. Каждая из них могла постоянно использовать свои родильные и генные операционные, чтобы перестраивать себя и своих агентов для приспособления к местным условиям. Каждому новому вредителю или болезни вскоре противопоставлялся новый организм, эволюционировавший, чтобы победить их.

Она рассказала эту историю хладнокровно, но за её отстранённостью Октофф почувствовал глубокую неприязнь.

«Я никогда не слышал об этих удивительных существах», - сказал он скептически.

«Ты не с Селевэнда; какое тебе дело до нашей древней истории? Более того, все они давно погибли, кроме одной этой».

«Что случилось?»

«Они сошли с ума. Убивали своих Мужей или делали другие опасные вещи».

«В самом деле?» Он почувствовал, что это объяснение содержит не всю правду.

«Да. Но это неважно. Просто сделай, как я сказала - стань её другом».

«Зачем?»

Она нахмурилась. Удушающий обод сжимался до тех пор, пока он не смог вдохнуть. Он стал без всякой надежды скрести по ободу.

«Октофф, послушай», - сказала она. Обод немного ослабился и он с трудом вдохнул, после чего обод снова сжался. «Чего ты хочешь больше всего? Свободы? Ты ни от кого её не получишь, кроме меня». Обод, казалось, раздавит его горло. «Делай, что я требую, и я позволю тебе уйти». Его взор стал тускнеть.

Когда, обод, наконец, разжался, он жадно вдохнул воздух. В нём клокотал гнев.

Она стояла перед ним, очень близко. «Ты такой милый, когда находишься в этой убийственной ярости. Но не забывай о включателе на мертвеца на удушающем ободе». Она дотронулась до эмиттера позади своего уха. «Когда умру я, умрёшь и ты». Она сделала круг из большого и указательного пальцев левой руки и положила на него кулак правой. «Чпок», - сказала она и сомкнула круг. Её кулак взлетел вверх, а Октофф представил, как его вертящаяся голова летит по воздуху - воздушный змей с красным хвостом и орущим лицом. Он подавил дрожь, но она это заметила и радостно улыбнулась.

В полдень Октофф гулял с Говорящей по садам поместья.

«Новый Муж приказала мне показать тебе мои земли». Говорящая улыбнулась, помахивая хвостом.

«Она приказала мне стать твоим другом».

«Правда? Тогда мы можем оба с удовольствием подчиниться». Красивое лицо засияло от радости.

Озадаченный, он посмотрел вниз на неё. «Ты не заинтересована? Тебе не любопытно, что она собирается сделать?»

«О, я знаю, что она собирается сделать. Она планирует убить меня». Собака говорила беспечно.

Он остановился. «Откуда ты это знаешь? Почему она хочет навредить тебе? Я думал, она здесь, чтобы следить за твоей деятельностью».

Говорящая села на задние лапы и подняла своё прекрасное лицо. «Мне сказал Старый Муж. СабСтрэйт Корпорэйшен хотела бы прекратить деятельность Биомантики. Частично - из-за экономических причин, но большей частью - из политических. И

она ненавидит меня - это очевидно».

«Экономические причины?»

«Да. В последние сто лет... Не знаю, почему я не заметила раньше. Я любила сезон торговли, когда в своих больших краулерах приезжали торговцы и торговались за мои товары. Это было милое время и для Мужа была кампания. Я уже так давно не думала о том времени...»

Лицо Говорящей стало неподвижным от отвлекающих воспоминаний, а глаза окутала пелена.

Октофф подсказал: «И они перестали приезжать?»

Говорящая, казалось, стряхнула груз воспоминаний. «Да. Всё меньше с каждым годом, а потом - никого. Хотела бы я знать, уж не умышленно ли Старый Муж отвлекал меня, чтобы я не грустила. 'Мода меняется', - говаривал он, - 'а потом меняется обратно. Не беспокойся; однажды они снова приедут'. Возможно, мне следовало волноваться по-больше». Собака снова встряхнулась.

Октофф попытался сменить тему. «Что ты выращиваешь?»

«Наркотики радости, Октофф... прекрасный набор, какой только можно найти на Селевэнде».

«А», - сказал Октофф.

«А ты? Чем ты занимаешься?»

«Сейчас я просто раб», - ответил Октофф и почувствовал внезапную усталость.

«Нет», - сказала она. «Нет, я имела в виду - прежде».

Октофф боролся с горечью, которая угрожала вот-вот заполнить его. «Прежде? Это сложно. Но, если чуть упростить... я крал рабов и освобождал их».

«Правда? И это было выгодное дело?»

Октофф улыбнулся. «Не очень».

Собака озадаченно вскинула свою прекрасную голову. «Понятно. Ну, я уверена, в нём были другие вознаграждения».

«В то время это казалось именно так».

Последовало недолгое молчание, словно Говорящая переваривала информацию. Наконец, собака снова заговорила. «А те, у кого ты крал рабов... они были злы на тебя?»

«Да, очень».

«И как же ты поступал с ними?»

Октофф покачал головой и вздохнул. «Я убивал их, когда мог». Припомненные чувства захлестнули его, всё - триумф и боль его прежней жизни, когда он был Октоффом Малхейро, великим освободителем. Кем-то значительным. Он осознал, что думает о тех, кого убил, об удовольствии, которое получал, обрывая их злобные жизни, о выражении на их злых лицах, когда

они понимали, что скоро умрут.

Он попытался вспомнить лица тех, кого освободил, но ничего не вышло.

«Следовательно, твоё умение состояло в убийстве людей?» Голос Говорящей был беспечный, обычный.

«Я полагаю, ты можешь смотреть на это таким образом».

«Необычный навык в наши дни».

«Не так чтобы».

Он последовал за собакой через прохладную зеленую аллею шелестящих вязов к арочному проходу в высокой каменной стене.

«Это - сад Пузырьков», - сказала она.

Сад был небольшой, с несколькими дюжинами высаженных в горшках растений, аккуратно расставленных на шахматной доске из чёрного и белого гравия. Сами низкие растения были обычные, толстые зелёные листья окружали центральный пучок серо-розовых цветов.

Из центров этих пучков поднимались мерцающие формы - зверинец из мыльных пузырьков. Ближайшей ко входу была покрытая прозрачным газом обезьяна, которая пригнулась и смотрела на Октоффа кристальными глазами. Только цвета едва заметно переливались по поверхности этого пузырькового существа, и каждая видимая поверхность сияла радужным блеском.

«Что они такое?» Он внимательно осмотрел форму в виде большого рычащего медведя, по его прозрачным клыкам стекала слюна, его крохотные глазки были бледно-розовыми от ярости. Он осторожно потянулся к нему.

«Нет! Не трогай их - они очень хрупкие».

Октофф отдёрнул руку. «Прости», - сказал он и пошёл посмотреть на центральный предмет коллекции - прекрасную человеческую женщину, голую, с длинными, замысловато заплетёнными в косы, волосами и большими ясными глазами.

«Я не хотела быть грубой, Октофф. На самом деле, они не такие уж хрупкие, как выглядят, пока до них не дотронется человеческое существо. Они - генераторы фуга-газа, специально созданные для обеспечения специфических эмоциональных переживаний - дотронься ты до медведя, и он ощутил бы твою человеческую природу и высвободил бы газ».

«И что бы я почувствовал?»

Говорящая вздрогнула. «Этот был сделан на заказ для Уровня Зверятников в Добрэвите. Сэдевилл, знаешь его? В любом случае, тебя было бы трудно контролировать - ты мог бы навредить мне или себе».

«Я буду осторожен». Он поближе посмотрел на пузырьковую женщину. От его дыхания её прозрачная кожа слегка затрепетала. «А эта?»

«Она - лучшая из всех, как думаешь?»

Он огляделся, оценивая других пузырчатых: скелета из мира с тяжёлой гравитацией, танцующего человека-ласку, большую зелёно-рыбу, угловатого робота. «По мне, она - самая привлекательная».

Лицо Говорящей просияло. «Это я, Красотка. Или что-то такое говорил мне Старый Муж».

Октофф внимательно посмотрел на собаку. «Ты? Лэнилла рассказала мне, что ты - биокомпьютер».

Её лицо поникло. «Да. Всего лишь резервуары с нейротканью, зарытые под домом. Но Старый Муж... он был поэт, немножко сумасшедший».

На крепких волокнистых листьях растения был знак Биомантики, который повторялся снова и снова. Посмотрев на бледные косы пузырчатой фигуры, он понял, что они подражали узору переплетённых шевронов. «Ну, она красивая. Какая она, вот эта фуга?»

«Я не знаю, Октофф. Старый Муж спроектировал её незадолго до того, как в последний раз заболел. Я думаю, он знал, что никто никогда не приедет её купить. Я хотела бы, чтобы была способна попробовать её, но для меня это всё равно ничего бы не значило. У меня нет человеческих каналов чувств».

«Твои существа... не имеют ничего человеческого?»

«Нет. Все сделаны из плазмы эмбрионов животного. Это главный запрет - никаких манипуляций с человеческим генетическим материалом».

Октофф изумился, увидев, как по шеке Говорящей потекла слеза. «В чём дело?»

«Если бы не этот запрет, Старый Муж был бы жив. Я бы вырастила ему новые легкие, новую печень, новое тело целиком. Но запрет был ещё слишком сильным...»

«Ещё»? Октофф был заинтригован.

Говорящая отвернулась. «Я очень стара, Октофф. Мои сердца ломались так много раз. Параметры смещаются. Всякое правило в конце концов постепенно исчезает. Но ничего. Тебе она нравится? Я отдам её тебе».

Когда Октофф вернулся в свою комнату, пузырьковое растение заняло солнечное место у окна. Казалось, что кристальные глаза женщины следят за ним. Он нашёл это приятным.

Он сел на скамью и стал рассматривать свой подарок. Он с трудом подавил свой внезапный порыв дотронуться до неё, чтобы, возможно, увидеть Красотку глазами её последнего смотрителя.

Он всё ещё сидел и смотрел, как по поверхности пузырьковой женщины переливаются цвета, когда вошла Лэнилла, помахивая болевым прутом в одной руке.

«Что это?» - спросила она, указав на пузырьки.

«Подарок... от Биомантики», - сказал он неохотно, опасаясь, что она сломает его.

Но она только улыбнулась и кивнула. «Очень хорошо, Октофф. Хорошо работаешь. Но сейчас давай прогуляемся к краулеру».

Они были в землеходе, медленно продвигающимся через фруктовый сад деревьев лихорадочных снов, когда она снова заговорила. «Думаю, она не сможет нас здесь подслушать. Это - ревнивое существо, ты не знал? Будет опасным его разозлить. Итак, расскажи мне, что ты думаешь о Биомантике?»

На её лице была обычная маска спокойной уверенности, но он увидел, что за ней кроется напряжение, которое прежде не было заметно.

«Ну?» Лэнилла нахмурилась и ошейник слегка сжался, предупреждая его.

«Я не уверен в том, чего ты хочешь. Да, она странная; у меня и мысли не было, что есть такие штуковины».

«Странная? Это всё, что ты можешь сказать? От грабителя с твоей репутацией, Октофф, я ожидала более страстную оценку; что ты находишь Вавилонию красивой, соблазнительной, пугающей, гротескной. Дай мне слова, описывающие суть. Странная!» Лэнилла выплёвывала слова и выражение её лица колебалось между зачаровывающим ужасом и паникой.

Октофф напугался, но Лэнилла быстро взяла под контроль свою вспышку. Октофф заговорил раньше, чем она снова сдавила ошейник. «На самом деле, она показалась мне красивой. И, конечно, я видел здесь гротескные вещи, особенно в первую ночь». Он посмотрел на Лэниллу, размышляя. «Пока она меня не пугала».

Рот Лэниллы изогнулся в уродливой улыбочке. «Ты же не будешь настолько глуп, чтобы надуть меня, не так ли? Нет? Хорошо». Удушающий обод сжался в последний раз и расслабился. «Я выросла в хорошей порядочной законопослушной семье. Мой полуотец - Друум Фэйджол, тот, что создал СабСтрейт Корпорэйшен, которая теперь владеет Биомантикой. Тебе известна эта Корпорация, а? Ты украл у нас сотню высокоуровневых рабов, прежде, чем мы поймали тебя. Если бы

свобода волновала зомби, ты украл бы ещё тысячу, верно? Ну да ничего. Теперь мы на одной стороне, не так ли? Помоги мне отключить эту чудовищность, и я освобожу тебя и дам билет с планеты».

Октофф с трудом изобразил спокойствие в голосе. «Почему тебе нужна моя помощь, чтобы отключить её?»

Лэнилла отвернулась и посмотрела в иллюминатор. Они медленно продвигались через поле только что скошенной ячменной спорыньи. Уборочные агенты собирали золотые снопы в высокие скирды. «Исходные доноры предоставили ткани для биокомпьютеров при гарантии того, что Биомантики могут быть уничтожены только если она нарушит Закон. Эта - последняя и самая защищённая. Существуют предохранители. Скрытые записыватели следят за всем, и если я просто убью её, они изрыгнут свои наблюдения властям в Селевэнд Центр. Это неудобно».

Она пожала плечами и вытащила из поясной сумки электропечать. «Смотри», - сказала она. «Это ключ к твоему ошейнику. Если я передам активирующий сигнал, ты будешь свободен». Она показала кредитную пластинку. «А здесь билет, открытый в любой пангалактический мир. Лишь ждёт моего подтверждения».

Она поближе наклонилась к Октоффу, и он уловил запах её тела, запах сексуального жара.

«Не уверен, что я понял», - сказал он. «Почему тебе что-то нужно от меня? Как ты можешь ожидать, что я смогу выяснить что-то, чего ты не смогла?»

«Ты - сильный, красивый и яростный, от тебя несёт самцом. Ты - самая красивая плоть, которую я смогла купить. Вавилония никогда не сможет устоять перед тобой». Она засмеялась, слегка сбившись с дыхания, и Октофф вдруг понял, что она с радостной страстностью лжёт. «Рано или поздно эта штуковина расскажет тебе свои секреты. Ты - медовая ловушка, Октофф. Биомантика запрограммирована отдавать всю свою преданность мужчине, который является её Мужем, понимаешь, это своего рода гарантия того, чтобы эта штуковина не стала слишком умной. Вскоре она будет полностью доверять тебе. Дай мне что-нибудь, что я смогу использовать против неё, и станешь свободным».

Она затемнила иллюминаторы землехода так, что их окутал искусственный полумрак, скрывший их от пристальных глаз уборочных агентов. «А теперь пойдём-ка, будь полезным для меня другим способом». Она провела руками по его телу, пальцы её подрагивали.

Она забыла применить наркотик, поэтому его ответ был

менее, чем восторженным, но она не заметила. Её глаза потеряли свой обычный ровный блеск, её рот смягчился, она задыхалась и стонала, прижимаясь к нему. Несколько минут она казалась почти человеком.

Этой ночью, один в своей комнате, Октофф, задумавшись, сидел рядом с пузырьковой женщиной.

Он вздохнул. Раньше у него была только решимость, сейчас у него была надежда, опасное чувство. Конечно, Лэнилла вероломна, но он будет на чеку. Ему лишь осталось найти способ предать Красотку.

Эта мысль приводила его в уныние. Но, говорил он себе, неважно, насколько она древняя, или красивая, или невинная, она - ферма, только биокомпьютеры, сенсоры и дистанционно-управляемые агенты. Чего стоит её существование по сравнению с его собственной драгоценной жизнью? Она была добра, или так ему казалось, но он не должен ей ничего, что было бы важнее его свободы.

Он тложил свои мысли, когда у его плеча появилась Говорящая. «Ты пойдёшь с Говорящей?» - спросила она, помахивая хвостом.

«Куда?»

«У меня есть, что тебе показать. Пожалуйста, иди за Говорящей».

Возможно, подумал он, это мой шанс.

Говорящая повела его вниз дома, по тёмным коридорам и широким лестницам. Их окружала живая субстанция дома, и каждая поверхность, до которой дотрагивался Октофф, подрагивала от внутренней жизни.

Вскоре они добрались до нижнего уровня дома. Октофф ожидал, что стены будут сотрясаться от стука огромных сердец. Вместо этого господствовала зловещая тишина. Говорящая объяснила: дом был сделан из тысяч специализированных существ, каждое со своими собственными сердцем, легкими и пищеварительной системой. Стены дома пронизывали бесчисленные проходы, и перевозчики работали непрерывно, принося еду к компонентам и вынося отходы, следя за болезнями и повреждениями. Октофф остановился и приложил ухо к стене. Он ели-ели смог расслышать какое-то снование внутри.

«Мы почти пришли», - сказала ему Говорящая.

Она провела его в небольшой проход, тускло освещённый вдоль пола серебристыми пятнами биолюма. Она порысила вперед, и ему пришлось поторопиться, чтобы не отстать. Он остановился у круглой двери, сделанной из тяжёлой розовой

кости и опутанной сухожилиями и мышцами. На совершенном лице собака Октофф увидел нерешительность.

«Я должна снова спросить тебя, Октофф. Ты сохранишь мои секреты?»

«Да», - сказал он и хотел, чтобы это было именно так.

Собака улыбнулась. «Я была уверена». Мышцы двери сократились и с тихим хлопком дверь поднялась со своего хрящевого каркаса.

Порыв непонятных запахов окутал Октоффа, когда он вошел в святая святых Красотки. Это была большая комната, хорошо освещённая ярко-горящим розовым биолюмом, и она была заполнена Диковинками. Их были сотни во всём разнообразии, которых он уже видел, и много даже ещё незнакомых.

Самые близкие Диковинки толпились вокруг стола, заставленного незнакомой едой. Вдоль стены слева от него находился большой альков, полный жабо-существ. Здесь и там по всему обширному пространству пола на низких возвышениях стояли узорчатые карлики, которых Красотка называла телесными поэмами, их коренастые тела были в ораторских позах. Между ними стояли группки фантастических существ, которые своими цветами и формами представляли невероятно сумасшедшую мозаику чудной плоти. Нечеловеческие глаза изучали его и комната была наполнена напряжённым молчанием.

Говорящая подтолкнула его своим плечом. «Ты должен кое-что увидеть».

Он прошёл за собакой через портик в комнату по-меньше. Позади послышался шёпот. В центре комнаты стоял троноподобный стул, обращенный к большому круглому узору на стене.

«Садись здесь, на место Старого Мужа», - сказала Говорящая, становясь у стула.

Октофф опустился на стул и стал ждать. «Смотри на экран», - сказала Говорящая. «Он соединён с сенсорной связью в покоях Нового Мужа». Говорящая засмеялась. «Она не знает».

Октофф подался вперёд, сконцентрировался на свете, кружащимся на экране. Картинка медленно обрела форму. Лэнилла сидела, ссутулившись над столешницей, заставленной устройством связи. Прозвонил звонок, она прислонилась левым глазом к сканнеру сетчатки и индикатор засветился зелёным. Она повернулась и пристально уставилась в маленький холокуб.

Голос из холокуба был мягок, но полон сухой, небрежной власти. «Твоё время на исходе», - сказал он.

Лэнилла ответила с боязнью и мольбой в голосе. «Послушай», - сказала она. «Ты одобрил план, ты сказал это с уверенностью, ты

предоставил ему всю свою поддержку».

«Да... но я не думал, что ты будешь так медлить, Лэнни».

Лэнилла прикусила губу. «Медлить? Я здесь меньше недели».

Наступила пауза. «Я перефразирую, Лэнни. Я ожидал большей скорости от тебя и меньшей от Законного Схода. Охранный законопроект уже вынесен на заседание и, надеюсь, ты понимаешь, что это означает».

Лэнилла опустила глаза. «Сколько, по-твоему, есть времени?»

«Они огласили законопроект сегодня в полдень. Думаю, принятие займёт пару дней, с учётом всего давления, которое окажет Комитет по охране природы. Если к этому времени ты не преуспеешь... что ж, надеюсь, тебе там нравиться, потому, что именно там я тебя и оставлю».

Её лицо побледнело. «Нет».

«Лэнни, Лэнни. Мёртвые фермы дали тебе хорошую жизнь. Пришло время вернуть долг. Ты же не допустишь, чтобы это чудовище раскачало нашу лодку, не так ли? Если не сможешь... что ж, кто-то преданный должен будет присмотреть за ним. Столько, сколько потребуется».

Лэнилла подняла подбородок и в её глазах вновь загорелся огонёк. «Эта штуковина уже довольно крепко привязалась к нему. Ещё не достаточно, но скоро...»

«Лучше бы тебе найти способ, как их подогнать. Два дня и это только догадка. Всё может произойти раньше».

«Я лишь могу сделать всё, что от меня зависит».

«Да, думаю, это так. Хорошо, придерживайся графика связи, пока не умрёшь». Октофф услышал безжизненное хихиканье. «Это другой способ, которым ты можешь выполнить работу, Лэнни. Другие штуковины были примечательно переменчивы. Если ты разозлишь Биомантику настолько, что она убьёт тебя раньше, чем будет принят законопроект, это сработает. Всё, что нам нужно, это доказательство её опасности. Если ты пропустишь сеанс связи, мы запустим записыватели и увидим, что с тобой приключилось... а затем отдадим приказ сбросить зажигательную бомбу».

Лэнилла без единого слова отключила куб.

Говорящая посмотрела на него. «Ты понял, Октофф?»

Он встрепенулся. «Могу догадаться. Если ты продержишься ещё два дня, то, возможно, она не сможет навредить тебе - вот как это выглядит для меня». Он попытался улыбнуться, но это было трудно. Ещё два дня, подумал он, ещё два дня. Скоро мне придётся что-нибудь сделать.

«Я подумала, что ты должен увидеть это, Октофф. Она говорит со своими руководителями дважды в день, в полдень и в полночь».

«Я ценю это».

«Боюсь, она попытается причинить вред тебе, если не сможет навредить мне. Ты - мой очень хороший друг, не смотря на то, что она говорит».

Собака внимательно смотрела ему в лицо, словно искала какое-то подтверждение. Октофф попытался невозмутимо выдержать её пристальный взгляд.

Проходя через скопления Диковинок, Октофф снова почувствовал давление их внимания.

«Это ты», - спросил он - «смотришь из всех их глаз?»

«О, нет, нет. Что за ерунда. Я никогда не бываю такой грубой. Это просто от того, что здесь, внизу, им мало есть чем заняться, а ты - очень любопытный объект».

«Они обладают собственным разумом?»

«Да. У них в мозгах есть нейропреобразователь, кусочек моей собственной плоти, поэтому, я могу входить в них, когда пожелаю, и управлять ими, когда необходимо, но во всём остальном они живут своей собственной жизнью. Многие довольно умны; ты получил бы удовольствие от общения с ними. Вот почему я не могу сделать то, что приказала Новый Муж. У них есть право жить. Также, как и у всех других, хотя я и сделала их из животных».

Он может рассказать Лэнилле, где Красотка спрятала своих Диковинок; это может оказаться достаточным. От этой мысли ему стало плохо.

Октофф спал плохо. С первыми лучами он поднялся и сидел на скамье рядом с пузырьковой женщиной. Она мерцала в лучах рассвета, улыбаясь своей таинственной улыбкой.

Октофф боролся со своими мыслями. Лишь малое время питал он надежду прежде, чем решение само сформировалось перед ним. Его пристальный взгляд продолжал возвращаться к пузырьковой женщине. Каково это, увидеть Красотку так, как её видел её Муж?

Октофф поднялся и уставился на прозрачную поверхность её лица, заметив мельчайшие поры на её коже, почти невидимые линии морщинок в уголках её глаз, очаровательно изогнутые губы. Эти детали восхитили его. Она была почти живой, за исключением того, что, по-видимому, не дышала. Но внезапно ему показалось, что кристаллический пульс прошёл по её горлу. Не подумав, он дотронулся до неё в этом месте.

Через секунду она взорвалась, крошечные обрывки пузырьков расплывались в стороны искрящимися оболочками. Октофф почувствовал, как его обдал высвобожденный газ, прохладный и

пряный.

Он глубоко вдыхал этот аромат в свои легкие, наполняя их снова и снова. Улыбаясь, он закрыл глаза. Наркотик промчался по телу. Мгновение ощущения переполняли его и он содрогнулся, почувствовав внезапную слабость в коленях. Он сел, руки стиснули голову.

Он открыл глаза и увидел другой мир.

Простые белые стены комнаты переливались тысячью нежных цветов, а мягкий утренний свет искрился на краях каждой формы. Он посидел несколько минут, довольный, любовался окружающим совершенством. Он почувствовал нахлынувшее восхищение к Красотке и её творениям.

Говорящая возникла у его локтя. Октофф посмотрел в ясные глаза собаки, увидел обожание, которое залило её лицо, и почувствовал, как сердце словно тает в его груди.

Когда она заговорила, голос её был как мёд, как воздух, как самая жизнь.

«Иди с Говорящей. Мы увидем то, что увидем».

Мысли его текли медленно, и он протянул руку, чтобы его вязли за неё, раньше, чем вспомнил, что у Говорящей нет рук. Краткое сожаление пробежало по нему, но ушло раньше, чем он по-настоящему его почувствовал. Он уронил руку на тёплый жёсткий мех плеча Говорящей. Соединённые друг с другом, они отправились в сады.

Он увидел те же самые чудеса, что видел прежде, но теперь они было почти слишком восхитительными, чтобы вынести. Залы дома были великолепны, пропорции радовали глаз, но он опечалился, что Диковинки были вынуждены скрываться. Он увидел, что дом был построен для них - обширная жилая огранка для этих живых драгоценных камней.

Он почувствовал удушающую любовь к организму, который построил эту огранку, который отшлифовал эти драгоценные камни.

Когда они добрались до садов, он остановился. Густые ароматы окутали его, а бриз донёс тихий шёпот из садов, более сладкозвучный, чем любые из произнесённых слов любви. Его охватило очарование, неотвратимое, дикое, впечатляюще чрезмерное.

Часами позже Лэнилла нашла его среди липкогубых деревьев, лежащим лицом вниз в ложе из опавших листьев. Наркотик отпустил его, и он был полон приятной усталости. Когда удушающий обод сжался, его глаза, выпучившись, открылись, и он стал царапать землю, пытаясь вдохнуть. Взглянув вверх, он увидел её, держащую болевой прут.

«Что это, Октофф?» Она казалась больше удивлённой, чем рассерженной. «Что ты делаешь?»

Он поднялся на колени, качая головой и не в состоянии говорить.

«Пожалуйста, не делай ему больно, Новый Муж», - сказала собака, виляя хвостом.

«Что с ним не так?» Лэнилла казалось не особенно заинтересованной в ответе.

«Легкий наркотик, Новый Муж, безвредный...» Говорящая бросила озабоченный взгляд на Октоффа.

Лицо Лэниллы окаменело. «Что за наркотик?» Когда Говорящая сразу же не ответила, она хлестнула собаку своим болевым прутом. Говорящая издала ужасный звук, животный визг, который казался пугающе неестественным, исходя из человеческого рта.

Для Октоффа, находившегося ещё под чарами наркотика, её боль оказалась невыносимой. Не осознавая, что делает, он кинулся на Лэниллу и врезал ей своим предплечьем - удар, который должен был сломать ей шею.

Его рука отскочила от её шеи как от камня, и Октофф осознал, что она усилена и что она, возможно, физически даже равна ему без ошейника. Он удивился, как он не заметил этого раньше. Она одарила его взглядом, полным жестокого наслаждения. «Я хорошо сконструированная девочка. А что ты ожидал, когда я затерялась здесь, в центре этого нигде, с таким убийцей, как Октофф Малхейро? Думал, я дура? Что мне следует рассчитывать только на эту безделушку?»

Удушающий обод сдавил его горло так сильно, что он подумал, что сейчас умрёт. Из-за наркотика это казалось почти абстрактным, и ему стало немного любопытно: каково это будет? Его зрение стало тускнеть. Он увидел, как Говорящая порысила к Лэнилле, пока он медленно опрокидывался лицом вниз. Говорящая клацнула зубами на Лэниллу, зарычала, словно контроль Красотки на секунду снизился, но затем собака отскочила в сторону, зажав хвост между ног.

Лэнилла загнала собаку в угол садовой стены и начала её бить болевым прутом. Последнее, что видел Октофф, была Говорящая, корчащаяся на земле. Лэнилла, лицо переполнено мерзким удовольствием, бьёт снова и снова.

Крики Говорящей тускнеют. Мир тускнеет.

Октофф очнулся в покоях Лэниллы, мышцы свело, шея пульсировала. Он застонал.

Лэнилла склонилась над ним, полная злобного веселья.

«Опять такой прямолинейный». Она похлопала его по плечу. «Вставай».

Он свесил ноги с разделочного стола и сел. В голове неистово колотилось, во рту чувствовался вкус запёкшейся крови.

Лэнилла осторожно опустилась в кресло по-близости, и он увидел, что она одела повстанческую броню, сочленённый слой полупрозрачного коричневого хитина. На её плече был логотип СабСтрэйт - обезглавленная человеческая фигура в жёлтом на малиновом треугольнике. «Давай-ка я расскажу тебе», - сказала она - «что с тобой случилось. Твоя дорогая дала тебе наркотик».

Он потёр глаза, пытаясь прояснить зрение. «Дала наркотик?»

«Генератор фуга-газа. Это была ловушка, поставленная последним Мужем. Он полагал, что это будет подарок для меня, но штуковина вместо этого отдала его тебе».

Мысли его текли всё ещё неразборчиво и медленно.

«Я объясню», - сказала Лэнилла, её тембр был высок, глаза сверкали. «Если бы я вдохнула этот газ, я бы стала её рабом или её возлюбленной, что в этом случае, по-большому счёту, одно и тоже».

Он пожал плечами. «Я уже раб... мне это без разницы».

«Да, верно, но попробуй я наркотик, ты был бы мёртвым рабом. Я стала бы слишком ревнивой, чтобы позволить тебе жить. Ты понимаешь, как нам обоим повезло?»

Он посмотрел на неё. Внезапное чёткое воспоминание заполнило его мозг; Говорящая извивается в грязи и пронзительно кричит. «Где Говорящая?» - спросил он, осматриваясь.

«Мертва», - сказала она. «Я собираюсь убить и оставшуюся часть; это злобное, неестественное существо. Помоги мне сделать это. Посмотри, что оно с тобой сделало».

Он не чувствовал злости к Красотке, но предательство казалось его единственной возможностью. «Я знаю кое-что», - сказал он медленно.

Её глаза блеснули. «Что?»

Он потрогал удушающий обод. «Сначала ошейник. После я скажу тебе».

Она встала, ещё улыбаясь, и зашла ему за спину. «Ты торгуешься со мной?» - прошептала она ему в ухо. Обод сжался, совсем чуть-чуть. «Давай угадаю. Ты собираешься рассказать мне о Диковинках? Не так ли?»

Он застыл. «Да», - сказала она. «Об этом, не так ли? Но я знаю об этом уже несколько дней, Октофф. Почему ты не рассказал мне раньше? Это заставляет меня усомниться - на чьей ты стороне?» Он почувствовал, как она отошла. Обод сжался ещё

немного. «Но продолжай. Скажи, что собирался сказать. Говори!» - прошипела она.

«Я видел Диковинок, она не уничтожила их. Я могу отвести тебя туда, где они скрываются». Как только он закончил говорить, он услышал щелчок и удушающий обод упал. На мгновение он застыл в изумлении, уставившись на удушающий обод, пока он медленно изгибался на полу.

Он повернулся и увидел, что теперь её голову защищал шлем, а наготове она держит осколочный пистолет. Луч целеуказателя пистолета грел середину его груди.

Она засмеялась, звук был немного приглушён шлемом. «Жест доброй воли, Октофф. Вот ещё один». Она наклонилась и положила на пол шпильку-луч, затем ногой толкнула её к нему. «Теперь подбери свой ошейник и оружие, и иди впереди меня; мы отправляемся в глубину.»

Он стряхнул напряжение с плеч. Он шёл впереди неё, а предвкушение яростно пульсировало в нём. Она сделала ошибку, думал он, она недооценила меня. Он почувствовал головокружительный оптимизм. Но она была очень осторожна, пока они спускались вниз по дому, и удобной возможности ему не представилось.

Они стояли перед дверью из кости. «Ты сделаешь в точности то, что я хочу», - сказала Лэнилла, - «или я сразу убью тебя». Под забралом шлема её глаза сузились от решимости. «Открывай», - выкрикнула она, обращаясь уже не к Октоффу.

Огромные мышцы изогнулись, дёрнулись и дверь с хлопком открылась. Внутри Диковинки столпились вдоль дальней стены большого зала.

Лэнилла погнала его перед собой в цент зала. «Послушай меня», - крикнула Лэнилла. «Послушай, здесь твой возлюбленный, который предал тебя. Вот он, Октофф доблестный освободитель, который рассказал мне о твоём неповиновении». Она, кажется, ждала ответа; его не последовало.

«Послушай вот это», - сказала она, её голос повысился. Она дотронулась до переключателя на поясе и Октофф услышал свой записанный голос.

«Я видел Диковинок, она не уничтожила их. Я могу отвести тебя туда, где они скрываются».

Лэнилла засмеялась. «Ты слышала? И посмотри, ошейник - его нет; я заплатила ему за помощь. Что ты теперь думаешь о своём дорогом? Отвечай мне!»

Одна из Диковинок задвигалась, высокое разукрашенное существо с длинными, веретенообразными конечностями и большой жабьей головой с золотыми глазами. Оно зашагало

вперёд походкой такой же странной, как и его тело. «Ты рассержена, Новый Муж», - сказало оно красивым звучным тенором.

Октофф увидел, как под бронёй по телу Лэниллы пробежала дрожь. «Он предал тебя! Он купил свою свободу вашими жизнями», - кричала она, в звуках её голоса стали проскакивать истерические нотки. «Подними ошейник», - крикнула она и Октофф поднял руку, в которой нёс ошейник.

Жаба обратила внимательный взор своих спокойных чужеродных глаз на Октоффа. «Я не понимаю», - сказала она.

Лэнилла уставилась на неё. «Хорошо», - наконец сказала она, поворачиваясь к Октоффу.

Сквозь кристалл брони он увидел её глаза, широко раскрытые, безжалостные.

«Ничего не говори», - сказала она. Её глаза сказали ему, чего она хочет.

Он повернулся к жабо-существу. Обрывки историй Биомантики, которые она рассказала ему - разговоры об убийствах Мужей, о том, что Биомантики сходят с ума. Он понял. Лэнилла предполагала, что он убьёт Диковинок, и она ожидала, что Биомантика тоже убьёт, обеспечив Лэнилле повод, который был ей необходим, чтобы отключить Биомантику.

Он покачал головой, едва заметно, но глаза Лэниллы сузились. Она подняла своё оружие и её большой палец подрагивал на спусковой кнопке.

Он повернулся к жабо-существу и поднял шпильку-луч. «Если ты должен», - сказало оно. «Я понимаю».

Шпилька-луч задрожал в его руках; бугорчатая голова медленно наклонилась, а затем упала на пол с влажным шлепком. Существо свалилось гротескным переплетением конечностей.

Он опустил дуло и, потупя взор, ждал возмездия Красотки.

Белые стены зала вспыхнули красным, биолюм потускнел. Октофф почувствовал внезапное давление в ушах, словно комната сжалась вокруг них. Пол задрожал, и Октофф закачался, когда пол слегка перекатился под ним.

Глаза Лэниллы сверкали.

Но, хотя гнев Биомантики давил на них, больше ничего не произошло.

Лэнилла резким, дёрганым движением показала на оставшихся Диковинок, сгрудившихся у стены. «Убей остальных», - сказала она.

Он посмотрел на Диковинок, на все эти покорно согласные животные глаза. Он увидел, что есть что-то по-настоящему живое

за каждой парой этих глаз. Сила воли оставила его, он повернулся и посмотрел на Лэниллу. В своей броне, со своими острыми белыми зубами и застывшим пристальным взглядом, она походила на какую-то яркую хищную рептилию.

«Нет», - сказал он и бросил шпильку-луч. «В любом случае, ты никогда бы не сдержала своих обещаний».

Лэнилла медленно повернулась обратно к Октоффу и у него появилось интересное ощущение, что он услышал, как что-то сломалось внутри неё, какая-то перенатянутая струна основания. Она почти небрежно наставила на него осколочный пистолет. Прежде, чем она выстрелила, двое карликов Красотки схватили Октоффа, с поразительной скоростью выхватили у него из рук ошейник и застегнули его у него на шее.

«Смотри, Новый Муж», - подобострастно сказал один из карликов. «Он в порядке, он не хотел тебя оскорбить, он выучил свой урок. Нет нужны причинять ему вред».

Поистине омерзительная улыбка расползлась по лицу Лэниллы. «Я не буду причинять ему вред. Я просто собираюсь срезать мясо с его костей, кусочек за кусочком». Она выстрелила из осколочного пистолета. Карлик, который выступил вперёд и стоял перед Октоффом, раздробился в кучу плоти, костей и красной пены.

«Погляди хорошенько, Октофф», - радостно сказала она, но прежде, чем она смогла снова выстрелить, пол поднялся вокруг её плеч огромной выпуклостью мускулистой плоти. Её глаза расширились. Её рука, державшая пистолет, была вынуждена подняться так, что следующий выстрел послал осколки в содрогающийся потолок.

Длинная псевдоподия свесилась сверху и выхватила осколочный пистолет. Ещё одна упала сверху и обернулась вокруг её головы. Пальцы без костей дёргали застежки её шлема, пока он не оторвался.

Перекатывание пола медленно прекратилось.

Он подобрал шпильку-луч и перешагнул через остатки карлика.

«Веселье есть веселье», - сказала Лэнилла дрожащим голосом. «Но сейчас я хочу, чтобы ты сказал своим друзьям вести себя хорошо». Октофф почувствовал, как ошейник предостерегающе сжался.

Он увидел, что она вновь обрела самоконтроль и хитрость. Он почувствовал глубокую печаль. Как он мог быть настолько жалко отчаявшимся, чтобы поверить её обещаниям? «Всё, что пожелаешь», - сказал он и махнул шпилькой-лучом ей по шее.

Он очнулся и в первое мгновение ничего не помнил. Затем он поднёс руку к горлу и обнаружил кольцо гладкой псевдо-кожи, которое покрывало его шею. Красотка собрала меня, подумал он со спокойным удивлением. Запрет на манипуляции с человеческой плотью наконец стёрся, это очевидно. Потом он вспомнил, что сделал с Лэниллой.

«Зажигательная бомба», - пробормотал он, пытаясь подняться. Руки осторожно уложили его обратно, он открыл глаза и увидел одного из карликов Красотки. Маленькие чёрные глазки карлика были безмятежны; Октофф не увидел обвинения, которого ожидал.

«Красотка?» Октофф надеялся, что карлик может говорить. Он почувствовал ужасную срочность. Сколько он был мёртв? Когда был крайний срок следующего сеанса связи Лэниллы?

«Да», - сказал карлик резким, грубым голосом. «Да, это Красотка. Теперь за меня говорит поэма. Пока я не сделаю новую Говорящую».

«Прости».

«Не вини себя, Октофф. На самом деле, это не твоя ошибка, вовсе нет. Что ты ещё мог сделать? Она была опасным, вероломным существом. Я рада, что вместо неё ты доверился мне».

Ему нужно было сказать Красотке, что он должен уйти. Как бы сильно он не сожалел о её неминуемом уничтожении, ему нужно было убраться или погибнуть с ней под зажигательной бомбой. Его мозг преподнёс ряд ужасных картин: сначала, вспышка взрыва, выжигающая глаза, огромный дом корчиться под всепоглощающей мощью, смерть всего этого очарования. Древних садов, возлюбленных полей, дикой красоты джунглей. Его глаза увлажнились. Он вспомнил, как чувствовал себя после наркотика, как много он полюбил.

«Красотка», - всхлипнул он, - «зажигательная бомба. Сколько осталось?»

«Тише», - сказал карлик, его маленькое грубое лицо было неподвижно. «Не волнуйся. Смотри». Он указал на экран-хамелеон, и Октофф осознал, что лежит в наблюдательном кресле Старого Мужа.

Экран закружился тенями; затем преобразовался в изображение. Кажется, он видел Лэниллу Сильду, одетую в платье с высоким воротом, сидящую перед своим набором устройства связи.

Пока он смотрел, прозвонил звонок и она приложила свой глаз к сканнеру и получила зелёный огонёк принятия. Лицо Лэниллы было спокойным, смирившимся. Разговор был коротким.

Когда она закончила, она встала.

Она оказалась слишком высока, и глаза Октоффа опустились на край её платья, который открывал костлявые ноги жабо-существа, серые и бородавчатые. Она посмотрела прямо на Октоффа, и он съёжился на своём стуле. Она улыбнулась и это была удивительно приятная улыбка. Она подняла жабью руку в приветствии или благословении. Экран потемнел.

Мгновение он был неподвижен. Потом он тоже улыбнулся.

Три дня спустя, после того, как Красотка убедила его, что от физической нагрузки его голова не отвалится, Октофф пошёл во внутренний двор, где Лэнилла припарковала свой землеход. Он подумал о Селевэнд Цент, припомнил тамошние старые развлечения, задумался, какие ещё новые он сможет там найти. Карлик шёл позади него.

Когда он увидел землеход, он издал звук неверия.

«Что такое, Октофф?» Тон карлика был заботливый.

Октофф показал на разрушенную машину. Её ноги были погнуты и сломаны, иллюминаторы - разбиты, схемы и гидравлические системы выдраны и развешаны спутанными блестящими клубками на корпусе, который был весь в мятинах.

«Я была зла на Мужа и всё, что ей принадлежало». Её голос смягчился. «Кроме того, это не имеет значения. Разве ты не хочешь быть моим Новым Мужем?»

«Да», - прошептал он, уставившись на руины землехода. Он подумал о бескрайних джунглях, которые окружали владение Биомантики, джунглях, в которых незащищённый человек не сможет выжить. «Да...» Он отвернулся и оглядел своё новое королевство. Он попытался улыбнуться и через мгновение улыбнуться получилось легче.

Почему-то он подумал о пузырьковой женщине, той, что содержала экстракт Красотки. В его памяти её лицо стало походить на лицо Лэниллы.

Я довольна Новым Мужем; у него есть большой потенциал. Я думаю, что ему не очень нравиться со мной. Но у нас с ним впереди ещё очень много времени, теперь, когда я эволюционировала далеко за пределы моих первоначальных параметров и могу работать с человеческими тканями. Я больше не буду хоронить Мужей.

Мы станем близки, очень близки.